

ЯВЛЕНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

Явление прецедентности в языке и литературе — объект современных лингвистических и литературоведческих исследований. Лингвисты и литературоведы рассматривают инвариантную составляющую явления. В этом случае лингвистическому исследованию подлежат такие прецедентные феномены, как прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация, а литературоведческому — прецедентные высказывания (М. Гронас), формально-тематические единства, т. е. «кластеры» (А. К. Жолковский). Вариативность, сопровождающая в культуре и литературе устойчивые темы, образы, сюжетно-fabульные комплексы и др., осмысляется по преимуществу литературоведами. Предметом внимания при этом, по мнению автора статьи, становится прецедентная тема и ее «рост» в культуре, а также исходное произведение, введенные им инварианты и их многообразные вариации, богатая в целом история его бытия, все его культурные, содержательные и формальные напластования.

Представители современной когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, обращаясь к явлению широкой известности, цитируя тексты, оперируют понятием «прецедентный текст». В отечественной науке начало изучению таких текстов положил Ю. Н. Каулов, давший им следующее определение: «Назовем прецедентными — тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»¹. «Подлинная духовность, с точки зрения исследователя, предполагает включение «мыслей о фактах» в контекст «мыслей о мыслях». А в этом процессе важная роль принадлежит как раз прецедентным текстам. <...> «Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки — стереотипы, образцы, мерки для сопоставления, используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно»².

Позже другие исследователи — В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева — расширили круг рассматриваемых прецедентных феноменов и обратились к их изучению. Это: не только *прецедентный текст* (к ним они отнесли такие художественные произведения, как «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, «Бородино» М. Ю. Лермонтова и др.); но и *прецедентное высказывание* («Не спится, няня!»; «Кто виноват?»; «Что делать?»; «На всякого мудреца довольно простоты»); *прецедент-*

ная ситуация (предательство Иудой Христа); атрибут этой прецедентной ситуации (30 сребреников); символ прецедентного феномена (например, имена персонажей: Онегин, Печорин, Плюшкин).

В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева иначе подошли к прецедентному тексту и дали ему новое определение. Под прецедентным текстом они понимают «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативную единицу; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу». Прецедентный текст, как они полагают, «хорошо знаком любому среднему члену национально-культурного сообщества; в **когнитивную базу**³ **входит инвариант его восприятия**⁴; обращение к прецедентному тексту многократно возобновляется в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или символы»⁵. Обратим внимание на то, что основной критерий при выявлении прецедентных текстов — это неизменная их *известность* широкому кругу людей. Второй принципиальный компонент в определении прецедентного текста — *наличие инварианта его восприятия*. Такой подход отвечает цели рассмотрения всех прецедентных феноменов и, в частности, прецедентных текстов, — изучить «ядерную инвариантную часть русского языкового сознания»⁶.

Соответственно задаются жесткие границы для прецедентных феноменов: так, В. В. Красных настаивает: «Говоря о постоянной апелляции к прецедентным феноменам (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что возобновляемость обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть потенциальной, то

есть апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (в противном случае это будет апелляция не к прецедентным феноменам...)»⁷. Такое понимание прецедентности обуславливает сферу исследовательских интересов (это область инвариантности) и предмет изучения (это «минимизированные» единицы). Приведем еще одно, характерное в этом отношении определение: «Сам прецедентный текст — феномен вербальный, однако в когнитивной базе он хранится в виде инварианта своего восприятия, который представляет собой некую структурную совокупность минимизированных и национально-детерминированных представлений о прецедентном тексте (включая коннотации, с текстом связанные). Инвариант восприятия прецедентного текста относится к числу феноменов вербализуемых, поэтому апелляция к прецедентному тексту осуществляется через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена»⁸.

Фиксация вербальных средств выражения прецедентных феноменов и ориентация на обретающие канонический статус инварианты определяют предмет лингвистического исследования. Это заглавия произведений, цитаты, имена персонажей и имена авторов художественных произведений. Подобные ограничения позволяют московским ученым отнести прецедентный текст к собственно-лингвистическим феноменам.

Лингвистические исследования обращены к процессу пополнения языкового строя инвариантными, «минимизированными» единицами, хорошо всем известными и со временем либо утрачивающими «культурный шлейф» (все, например, без труда связывают образы

старушки и топора с Раскольниковым, это, однако, не означает, что все прочли «Преступление и наказание», либо переходящими в разряд безымянных (выражение «память сердца» входит в российское культурное сознание XX века именно в таком качестве⁹). Иными словами, лингвистические исследования (В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой) посвящены рассмотрению периферийного языкового строя.

Воспроизведение отдельных «текстов» в культуре на протяжении значительного времени стало предметом внимания в современных литературоведческих исследованиях. М. Гронас выделил «центральные, "осевые" тексты» («Илиаду», «Энеиду», «Евгения Онегина», «Божественную комедию», «Фауста», «Дзяды»)¹⁰. Это произведения, которые чаще других читаются, перечитываются, упоминаются, цитируются, интерпретируются «на протяжении исторически значимого отрезка времени». В 2001 году публикацией в «Новом литературном обозрении» двух статей этого исследователя — «Диссенсус. Война за канон в американской академии 80–90-х годов» и «Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом» — по существу было предложено ввести в отечественный научный оборот понятие «каноническое произведение».

В американской традиции последних десятилетий XX века под «каноном» понимается «своего рода цельный нарратив, представляющий некоторое обобщенное доминирующее мировоззрение, систему ценностей»¹¹. «Каноничность — это исторически длящаяся популярность; «каноническое произведение — бестселлер в историческом измерении» (В. Немояну)»¹². Теория канона имеет два основных направления: социологическое и аксиологическое¹³. Первое рас-

сматривает внеположенные произведенияю механизмы, способствующие его введению в культурную память и закреплению в ней. К таким механизмам относятся утверждение списков обязательной литературы в системе университетского гуманитарного образования, учреждение литературных премий, создание антологий, деятельность литературных кружков и салонов, выпуск литературных журналов, составление книжных обозрений и т. д.

Второе направление в американской теории канона рассматривает каноничность текстов (повторяемость, воспроизведение в культуре) как их «имманентное свойство» («текст канонизирует себя сам»). В целом сложилось два подхода к изучению процесса канонизации литературного произведения: институциональный (закрепленность в учебных программах) и эстетический (литературная новизна, «запомнили именно это»)¹⁴.

Подчеркнем два момента. Во-первых, понятие «каноническое произведение» (в аксиологическом аспекте), в отличие от понятия «классическое произведение», шире, оно «покрывает» собою явления повторяемости и воспроизведения разных текстов в культуре. Во-вторых, это понятие, судя по аналитическому разбору, предложенному в статье М. Гронаса «Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом», включает в себя «повторяемое как образцовое», «повторяемое как становящееся или ставшее эталонным», «повторяющееся как стереотипное» — то есть *компоненты, ориентирующие на инвариантность*. Глубоко закономерно заявление исследователя, что «механизм каноничности может быть более наглядно выражен <...> в случаях, когда объектом культурного воспроизведения оказывается минимальный фрагмент — строфа, строчка, словосочетание»¹⁵. «"Войти в послови-

цу", "войти в язык" — собственно, и значит обрести канонический статус. "То, что вошло в язык", — более сильный, концентрированный случай каноничности, крайнее поле континуума». В литературном каноне¹⁶, «так же как и в языке, остаются наиболее удачные, экономные высказывания наиболее важных (узнаваемых, частотных) семантических комплексов...»¹⁷. Исследователь совершенно справедливо отмечает, что «микроканоничность», ставшая предметом его внимания, «несомненно граничит с собственно лингвистической сферой — идиоматикой, фразеологией, паремиологией»¹⁸. Изучение в этом ключе повторяемых, чаще всего цитируемых произведений сближается с лингвистическим.

Отметим также еще одно направление в исследовании константных, наиболее влиятельных текстов культуры. Еще Р. Якобсон указал на связь между стихотворным размером и темой, К. Ф. Тарановский актуализировал проблему соотношения стихотворного ритма и поэтического содержания в аспекте «истории» одного размера (5-ст. хорея) в русской поэзии. Отправным текстом для него стало стихотворение «Выхожу один я на дорогу» М. Ю. Лермонтова, от него шла вся цепочка текстов XIX–XX веков, которую исследователь определил как «лермонтовский цикл» в русской поэзии¹⁹. Работа К. Ф. Тарановского «О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики» (1963) определила два последующих современных подхода к проблеме — М. Л. Гаспарова и А. К. Жолковского.

М. Л. Гаспаров в фундаментальном труде «Метр и смысл. Об одном механизме культуры памяти» (1999) исследует семантические ореолы стихотворных размеров, закладывает основания для теории семантики стиха. Ученый разворачивает богатейшую историю це-

лого ряда стихотворных размеров, демонстрируя и устойчивость связи между метром и смыслом, особенно репрезентативной на уровне «крупных вещей», и «функционирование механизма историко-культурной преемственности». М. Л. Гаспаров указал на особую роль некоторых произведений: «...для формирования (семантического. — *H. M.*) ореола важны немногие стихотворения, получающие популярность классики и надолго сохраняющие влияние. Они становятся ядрами складывающихся семантических окрасок»²⁰. Вместе с тем исследователь не поставил перед собой задачу рассмотреть эти тексты как особый феномен культуры.

А. К. Жолковский, учитывая опыт работы К. Ф. Тарановского, обращается к влиятельным текстам и к их «потомству». Структуру прецедентного текста, излучающего «мощное силовое поле», А. К. Жолковский предлагает представить «как сильную интертекстуальную призму — как cluster, пучок тематических и формальных характеристик, обладающих мощной способностью к самовоспроизведству во множестве более поздних текстов»²¹. С точки зрения исследователя, основное внимание при изучении прецедентных текстов должно сосредоточиться на инвариантах: «Как в фольклористике и паремиологии, где никакой из вариантов сказки, мифа или пословицы не объявляется главным, здесь важнее всего инварианты, стоящие за вариациями»²².

Для изучения прецедентных текстов и предшествующих им («предков») и следующих за ними текстов («потомков») А. К. Жолковский разрабатывает кластерный подход («cluster, пучок тематических и формальных характеристик»), который ориентирован на «целый комплекс формальных и тематических па-

раметров». Его задача — «рассмотрение проекций всех аспектов» структуры прецедентного текста в текстах-«потомках». В своей статье «Интертекстуальное потомство "Я вас любил..." Пушкина»²³ он рассматривает «стихотворения, развивающие тематическое структурно-тематическое ядро», т. е. «выявленный кластер признаков» этого стихотворения. Исследователь дает масштабный план для дальнейшей разработки кластерного подхода на примере одного поэтического текста. Выделим два момента: построить «строгое описание глубинной структуры кластера — аналога таких механизмов культурной памяти, как жанр и семантический ореол, — в духе нарративных моделей типа пропповской и наследовавших ей»; выявить «типовые варианты кластера (наиболее устойчивых комбинаций его компонентов) и возможное соотнесение их с его эволюцией»²⁴.

Ориентация на инвариантную составляющую в явлении прецедентности сближает подходы М. Гронаса и А. К. Жолковского. Работы последнего подверглись справедливой, на наш взгляд, критике. Так Д. Б. Платт полагает, что А. К. Жолковский, занимаясь «структурной интерпретацией распространения инвариантов по текстам», более всего занят вопросами «сложности и неоднозначности культурных форм, нежели общими системными закономерностями, стоящими за этими формами»²⁵. Д. Б. Платт не разделяет оптимистическую веру своего коллеги в инвариантную стабильность, которая «отражает ту же модернистскую веру в некую вечно повторяющуюся универсальную структуру бытия, познаваемую только искусством и только в нем воплощаемую»²⁶. Оппонент А. К. Жолковского справедливо указывает на границы (пределы) возможностей его метода: за пределами «камен-

ных объятий» инвариантной повторяемости развивается «непрерывная дискуссия в бесконечно подвижном и изменчивом сюжете»²⁷. Скепсис Д. Б. Платта оправдан: прецедентность в искусстве и культуре — явление широкое и сложное.

Как представляется, литературоведческое изучение прецедентности обращено к кардинальным процессам, разворачивающимся в словесном искусстве. Существует конфигурация эпоса, в которой функционирует такое явление, как прецедентность. В русской прозе второй половины XIX века, к примеру, это явление правомерно рассматривать на материале художественных произведений таких писателей, как Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой. Однако у явления прецедентности, безусловно, есть и определенные границы. Так, в художественном мире А. П. Чехова она вряд ли имеет особое значение. В целом явление прецедентности, рассматриваемое в литературоведческом плане, свидетельствует о существовании длинных серий текстов и глубинных традиций в историко-культурном, историко-литературном процессе.

Литературоведческое осмысление явления прецедентности, безусловно, требует обращения к самой широкой историко-культурной картине. При этом предметом рассмотрения может стать прецедентное высказывание, функционирующее как в художественных текстах, так и в языке (в чем убеждает, например, история выражения «память сердца» во французской и русской культуре, блестяще раскрытая М. Гронасом). Кроме этого может рассматриваться и общность тематических структур длинной цепочки текстов, и структурная общность форм этих текстов (такой подход продемонстрировал А. К. Жолковский). Вместе с тем литературоведческое осмысление, с одной стороны,

предполагает интерес к *инвариантной* составляющей в цепочке ‘исходный прецедентный текст — тексты-потомки’, с другой, не может удовлетвориться одним только «инвариантным» интересом к явлению прецедентности. Как представляется, в перспективе будут выработаны и другие подходы к этому явлению, укажем на некоторые стороны подхода, предлагаемого нами.

При учете опыта работ В. В. Виноградова²⁸ и М. М. Бахтина²⁹ складываются следующие представления о прецедентном произведении³⁰. Прецедентное произведение³¹ — произведение, однажды возникшее и затем длительное время проникающее в новые тексты. ППе — составляющая центростремительных сил культуры и литературы, творчества художника в частности. Оно, не ограничиваясь рамками литературы, обычно входит и в другие сферы искусства и культуры. ППе укореняется в культурную память нации и чаще всего распространяется за границы своей национальной литературы. Известное читателю в большей или меньшей степени, оно является составной частью процесса повторяемости в искусстве и культуре. Появление новых вариантов восприятия ППе обеспечивает его устойчивость в культуре.

ППе возникает в своих значимых (чаще всего семантически доминантных) проявлениях во «внешнем», новом произведении, реактуализирующем исходный прецедентный материал. ППе, проявляясь в новом тексте, становится неотъемлемой частью «диалога культур», немаловажной причиной новых художественных решений. ППе входит в контекст творчества различных художников, придерживающихся разных художественных методов, относящихся к разным направлениям.

Известность ППе имеет относительный характер, она исторична. Произведение может изначально присутствовать в тезаурусе читательского восприятия, может быть введено автором в кругозор читателя, может входить в сферу «общего знания» автора и читателя, но оно же может покинуть эту сферу и со временем, переместившись в пассивный запас культурной памяти, замкнуться в рамках поэтической (творческой) лаборатории автора.

Прецедентными произведениями становятся как авторитетные тексты³² культуры в качестве текстов «высокого рейтинга», так и периферийные. «Сильные» ППя³³ оказывают также влияние на творчество «потомков», менее всего уловимое на формальных уровнях и не обязательно подкрепленное цитированием. ППя разных видов: «сильные» (например, «Божественная комедия» Данте, «Дон Кихот» Сервантеса, «Гамлет» В. Шекспира, «Фауст» И. В. Гете, «Идиот» Ф. М. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Н. Толстого и др.) и периферийные³⁴ (например, «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» Ч. Диккенса, «Жизнь» Ги де Мопассана, «Крейцерова соната» Л. Н. Толстого), литературные и сакральные (например, ветхозаветная Книга Иова) — включены с произведениями-потомками в отношения контраста, пародирования и др., при очередном обращении к ППю происходит смысловое смещение, сдвиг. ППя «располагаются» на всей «территории» литературного процесса. Но дело не только в этом. Важна их особая смысловая, культурная «емкость» — прецедентность отстаивает как значимость исходного текста, так и всю богатую историю его бытия, все его культурные, содержательные и формальные напластования.

При таком понимании литературоведческое изучение прецедентности в

срезе повторяемости и воспроизведения произведения в новых текстах предполагает рассмотрение богатой истории его вариаций в культуре (с неизменной фиксацией области инвариантов), его переменчивой судьбы (постоянная широкая известность, спорадическая популярность, «затухающая» известность и т. д.).

Каждое новое литературное произведение в той или иной степени опирается на предшествующий опыт. Оно не может быть принципиально новым, принципиально уникальным. При этом ППе в качестве исходного текста нельзя свести к готовому «материалу», к источнику для новых произведений; разноуровневые единицы ППя не только повторяются, заимствуются или цитируются, но и «несут» в себе не утрачивающие своей актуальности прецедентные темы. К прецедентным единицам относятся прецедентная фабульная схема, прецедентный фабульно-тематический комплекс. Прецедентная тема, как правило, подчинающая себе прецедентную фабульную схему и прецедентные фабульно-тематические комплексы, должна быть определена как прецедентная единица высокого уровня. Все эти разноуровневые прецедентные единицы не отрезаны от целостности исходного произведения, от его длящейся культурной жизни. В новом произведении они могут стать теми зернами, которые на новой живительной почве дадут богатые всходы.

Прецедентная тема — предмет особого внимания. Исходный текст вводит определенную тему и задает парадигму содержательно-формальных связей. При их повторе в новых произведениях формируется область прецедентности. «Рост» «прецедентного дерева» обусловлен исходными темами, концентрированно выражаящими то или иное сущностное противоречие человеческого бытия (на-

зовем, к примеру, темы памяти и забвения, тему пути). Такие исходные темы есть основания-импульсы для появления прецедентных тем-«наследников». Прецедентная тема складывается длительное время из отдельных, очередных индивидуально-творческих ее разработок на взаимосвязанных уровнях содержания, деталей, мотивов, сюжетно-тематических комплексов в их инварианте и в новых вариациях. Прецедентная тема, функционирующая в этих разработках и этими разработками продолжаемая, способна закреплять за собой не только изначальный, но и модифицированный содержательно-формальный набор (с инвариантной или вариативной доминантой в каждом новом произведении). Обращение художника к такой теме обуславливает, как правило, появление в новом произведении ее богатого «литературного шлейфа» (так, введение темы ада редко обходится без образов, восходящих к Откровению святого Иоанна Богослова или к «Божественной комедии» Данте). И в таком контексте устойчивые детали, мотивы, сюжетно-тематические комплексы тоже обретают качество прецедентности. Прецедентные темы развиваются исторически всей цепочкой прецедентных текстов, преемственность между которыми осуществляется разнотипными связями.

Прецедентные темы связаны с ППя, и эти связи неоднозначны. На примере реалистической литературы можно сказать, что прецедентная тема может предшествовать литературному ППю (евангельская тема «дитяти», Христа и учеников [Мф. 18, 1–5] обрела актуальность в новой литературе, образовав, например, в прозе такую цепочку: «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса — «Сон смешного человека», «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского — «Воскресение» Л. Н. Толстого). Литературное ППе реже, чем сакральный прецедентный текст, вводит в культуру новые прецедентные темы (так Э. Т. А. Гофман ввел тему «внутреннего двойничества»; Ч. Диккенс — тему спасения ребенка и нравственного пробуждения человека и др.). Чаще всего литературное ППе обращается к уже сложившейся теме, при этом проступают ее изначальные и, как правило, сакральные основания (тема деятельного добра в «Сне смешного человека» Ф. М. Достоевского уходит в глубины культуры).

Рассмотрение как долговечных «сильных» и периферийных ППй, так и прецедентных тем помогает представить динамику литературного процесса, область и специфику его констант, роль и место прецедентности либо на определенном его этапе, либо в отдельной индивидуально-творческой художественной системе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карапулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Карапулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 216.

² Там же. С. 220.

³ По определению В. В. Красных, «когнитивная база — определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке» (Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М., 1998. С. 45).

⁴ Здесь и далее курсив наш. — Н. М.

-
- ⁵ Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997. № 3. С. 64.
- ⁶ Гудков Д. Б. Когнитивная база лингво-культурного сообщества и прецедентные феномены в межкультурной коммуникации // Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003. С. 99.
- ⁷ Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?.. С. 51–52.
- ⁸ Там же. С. 58.
- ⁹ М. Гронас проследил богатую историю этого выражения в русской литературе двух последних веков (Гронас М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. № 51 [№ 5]. С. 68–86).
- ¹⁰ Там же. С. 69.
- ¹¹ Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х — 90-х годов // Новое литературное обозрение. № 51 [№ 5]. С. 8.
- ¹² Гронас М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом ... С. 68.
- ¹³ См.: Гронас М. Диссенсус. Война за канон в американской академии 80-х — 90-х годов ... С. 12.
- ¹⁴ Гронас М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом ... С. 68.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Заметим, что М. Гронас, рассматривая явление повторяемости в культуре отдельных текстов на протяжении длительного времени, оперирует понятием «канон». Однако, на наш взгляд, определение повторяемых, широко известных текстов как канонических вряд ли укоренится: нельзя не учесть как уже сложившиеся в отечественной гуманитарной науке традиции в определении и в осмыслинении канонического текста, художественного канона, каноничного характера определенной эпохи, так и появившиеся в последнее время новые тенденции в осмыслинении канона. (См., к примеру: Лосев А. Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973; Виролайнен М. Н. Структура культурного космоса русской истории // Виролайнен М. Н. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003). Полагаем, что в отечественной традиции интересующему нас явлению широкой известности, повторяемости и воспроизводимости, цитируемости художественных текстов на протяжении длительного времени отвечает понятие «прецедентное произведение».
- ¹⁷ Гронас М. Безымянное узнаваемое, или канон под микроскопом ... С. 70.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Тарановский К. Ф. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 381.
- ²⁰ Гаспаров М. Л. Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 1999. С. 173.
- ²¹ Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты / Отв. ред. Л. Г. Павлова. М., 2005. С. 395–396.
- ²² Там же. С. 397.
- ²³ Эта статья была написана уже в 1986 г., частично напечатана на английском языке в 1994 г., полностью и на русском языке опубликована только в 2005 г.
- ²⁴ Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии. Инварианты, структуры, стратегии, интертексты ... С. 407.
- ²⁵ Платт Дж. Брукс Отвергнутые приглашения к каменным объятьям: Пушкин — Бродский — Жолковский // Новое литературное обозрение. 2004. № 67 (№ 3). С. 181, 183.
- ²⁶ Там же. С. 190.
- ²⁷ Там же. С. 197.
- ²⁸ Так, еще в 1929 г. увидела свет статья В. В. Виноградова «Из биографии одного "неистового" произведения. "Последний день приговоренного к смерти"», где впервые было заявлено о необходимости исторически объяснить и осмыслить судьбу произведения «на русской литературно-языковой почве» в разных литературных школах и в разных художественных системах (Виноградов В. В. Из биографии одного «неистового» произведения. «Последний день пригово-

ренного к смерти» // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 63). По мнению ученого, «в мире искусства сложен процесс бытия художественного произведения, которое входит с измененной морфологией частей, с изменчивой семантикой их и всего целого в литературные контексты разных эпох» (Там же. С. 75).

²⁹ Речь идет об идеях М. М. Бахтина, высказанных в его работах разных лет: «Слово в романе», «К методологии гуманитарных наук», «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», «Ответ на вопрос редакции "Нового мира"» и др.

³⁰ Введение в это понятие компонента «произведение» отвечает представлениям М. М. Бахтина: «Текст — печатный, написанный или устный = записанный — не равняется всему произведению в его целом (или «эстетическому объекту»). В произведение входит и необходимый вне-текстовый контекст его. Произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается (конечно, контекст этот меняется по эпохам восприятия, что создает новое звучание произведения)» (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 369).

³¹ Далее в тексте статьи «прецедентное произведение» — ППе; «прецедентные произведения» — ППя.

³² К авторитетным произведениям относятся как религиозные (это в первую очередь Библия), так и «сильные» литературные произведения, глубже других проникающие в коренные проблемы человеческого существования и выражющие их. Литературное произведение, на протяжении долгого времени не утрачивающее качества прецедентности, как правило, либо включает в свой контекст авторитетные религиозные произведения или «сильные» литературные произведения, либо опирается на них.

³³ «Сильное» ППе обращено к коренным вопросам человеческого существования. Оно известно широкому кругу людей разных национальных культур и вероисповеданий и функционирует на протяжении длительного исторического времени. «Сильное» ППе может со временем перемещаться из центра «вертикального контекста текстового универсума» (А. Е. Супрун) на периферию или, наоборот, с периферии — в центр, но это перемещение обусловлено сменой самой культурной парадигмы.

³⁴ Периферийное прецедентное произведение чаще всего имеет ограниченную сферу функционирования. Оно входит в область «общего знания» автора и читателя, как правило, на относительно непродолжительное время (имеем в виду, например, историю бытования «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса в культуре России). Вместе с тем одно и то же произведение может быть «сильным» прецедентным произведением в одной культуре и периферийным в другой (к примеру, «Рождественская песнь в прозе» является «сильным» прецедентным произведением в Англии и США. Об истории этого произведения см.: Davis P. The Lives and Times of Ebenezer Scrooge. Yale UP. New Haven, 1990).

N. Mikhnovets

THE PHENOMENON OF PRECEDENCE: LINGUISTIC AND STUDIES OF LITERATURE APPROACHES

The phenomenon of precedence is in focus of the contemporary linguistic research as well as of literature studies. Linguists as well as literary critics examine the invariant component of this phenomenon. In this case the objects of linguistic study are such precedent phenomena as a precedent text, a precedent statement, a precedent situation. The literary research also deals with precedent statements (M. Gronas) and formal-subject unities or clusters (A. K. Zholkovsky). Stable themes, images, complexes of plots etc. are accompanied in culture and literature with variability and this fact is interpreted mainly by literary critics. In this case, the attention is focused on the precedent theme and its growth in culture as well as on the initial literary piece, the introduced invariants and their diverse variations, the history of its existence and all of its cultural formal and content's stratification.